

PATRIK LEKEŠ

Знатоки души человеческой: Федор Достоевский и Людмила Петрушевская¹

Experts on the human soul: Fyodor Dostoyevsky and Lyudmila Petrushevskaya

Abstract. The article deals with the works of Fyodor Dostoyevsky and Lyudmila Petrushevskaya from the point of view of two disciplines – psychology (addictology), and literary criticism. The paper explores the authors' description of the symptoms of addiction, which manifests itself both in the consciousness, subconsciousness and behavior of literary heroes, as well as in their relationships, and the studies are reported by specific excerpts from the literary works. Based on the primary analysis of the text, it can be argued that Dostoyevsky already in the 19th century, in his works, described symptoms that were defined by psychology as a science only in the 20th century. Petrushevskaya often enters into an intertextual dialogue with Dostoyevsky, describing gloomy heroes and hopeless life. The study analyzes specific symptoms and their application based on Dostoyevsky's *Netochka Nezvanova* (1849) and Petrushevskaya's *The Glitch* (1999). The purpose of the work is to draw attention to writers as psychologists, and to the skill of their artistic and psychological depiction of the external symptoms of various mental disorders through their literary heroes. This goal is achieved: 1) by identifying specific symptoms of mental disorders (addiction) of the characters; 2) a comparative analysis of scientific psychological material and literary text; 3) by comparing the artistic depiction of specific symptoms of characters in the texts of certain authors.

Keywords: Russian literature, psychology, Fyodor Dostoyevsky, Lyudmila Petrushevskaya, addiction

Patrik Lekeš, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra – Slovak Republic, plekes@ukf.sk, <https://orcid.org/0000-0002-9466-1883>

Федор Достоевский, мастер психологического романа, в своих произведениях раскрывает „человека как тайну” и погружается на „дно человеческой души”. Одной из основных черт творчества Людмилы Петрушевской является изображение нарушения привычного хода жизни и выход за границы реальности.

¹ Статья разработана с поддержкой проекта III/5/2023 *Spisovatelia minulosti ako psychodiagnostici súčasnosti* (UGA, Constantine the Philosopher University in Nitra, Slovakia).

Психологизм в творчестве Достоевского исследуют разные учёные²: словацкие (Андрей Червеняк), чешские (Иво Поспишил, Йосеф Догнал, Ленка Одегналова, Франтишек Каутман), русские (Владимир Чиж, Валентин Семенов, Константин Баршт и др.) и американские (Луис Брегер). Червеняк анализирует сновидения (Červeňák 1999) и антропоцентризм в творчестве Достоевского (Červeňák 2002; Červeňák 2005), но антропоцентризм интересен и другим словацким ученым (смотри напр. Muránska; Koraničák); Поспишил рассматривает творчество Достоевского в работе о феномене сумасшествия в русской литературе (Pospíšil); Догнал сравнивает мотивы самоубийства в произведениях Достоевского и Леонида Андреева (Dohnal); американский психотерапевт Брегер исследует произведения Достоевского с точки зрения психоанализа и психотерапии (Breger); Чиж подчеркивает, что из всех героев русской литературы XIX в., у Достоевского наблюдается самое большое количество душевных расстройств (Čiž); Евгения Романова проводит психологический анализ произведений Достоевского „через рассмотрение психографических материалов его черновых записей” (Romanova 31); Александр Криницын упоминает, что „всех главных героев Достоевского в той или иной мере характеризует подпольная психология – оторванность и отчужденность от мира” (Krinicyn 230).

Петрушевская относится к тем авторам, которые смело и открыто показывают в произведениях обратную сторону человеческой жизни и общества. Изначально данное стремление писателей к психологизму сопровождалось волной консервативной критики, поэтому их творческий путь был нелегок (Kusá 168). Словацкие литературоведы Зузана Мочкова-Лоркова и Иван Посохин пишут, что Петрушевская начала стирать границы мысленных стереотипов в литературе и выходить за их рамки (Močková-Lorková, Posokhin 205–207).

Психологический аспект в творчестве Петрушевской анализирует Сания Давлетшина в статье о художественном психологизме писательницы на примере рассказа *Дом с фонтаном* (Davletšina 51–54); в работе Ферузы Муртазаевой (Murtazaeva 89–99), опубликованной в 2022 г., проводится сравне-

² Отбор упомянутых ученых обоснован заинтересованностью в психологическом направлении изучения творчества Достоевского. Основой выбора является тема, соединяющая избранные нами исследования. Из-за множества психологических подходов и их разновидности нельзя писать о каждом из них. О количестве исследований и читаемости произведений Достоевского говорят тоже Владимир Захаров (почетный президент Международного общества Достоевского), Игорь Волгин (президент Фонда Достоевского), Николай Подосокорский (старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра „Ф.М. Достоевский и мировая культура” ИМЛИ РАН) и Павел Фокин (заведующий отделом „Музей-квартира Ф.М. Достоевского” ГМИРЛИ имени В.И. Даля) в интервью для журнала „Горький” (Griboedova, электронный ресурс).

ние психологизма в творчестве Петрушевской (русская современная проза) и Зульфийи Куралбой (узбекская современная проза).

Результаты первичного анализа текста показывают, что Достоевский уже в XIX в. в своих произведениях охарактеризовал симптомы, получившие научное описание лишь в XX в. Петрушевская зачастую вступает в интертекстуальный диалог с Достоевским: об этом пишут Марина Загидуллина (Zagidullina 24–28) и Ирина Скоропанова (Skoropanova 2013: 24–32).

В данной статье анализируются конкретные симптомы зависимости и их использование в произведениях Достоевского (*Неточка Незванова*, 1849) и Петрушевской (*Глюк*, 1999). Новизной нашей работы является сопоставление двух тематически и исторически различных произведений, поскольку, с точки зрения диахронической асимметрии, подобные исследования создают в литературной компаративистике новые, неограниченные онтологические отношения. Этого касается и статья Жоржеты Холаковой (Cholakova 29–36), сравнивающей Франсуа Вийона и Карла Гинка Маху – представителей двух разных народов, разных исторических и литературных эпох. Авторы, произведения которых анализируются в нашем исследовании, объединяют два фактора: страна происхождения (оба являются русскими авторами) и мотив наркомании. В отличие от исследования Холаковой, мы рассматриваем авторов одной национальной литературы в рамках диахронической асимметрии. Требуется уточнить, что эта тема у обоих авторов – тема вечная. Русские писатели, описывающие повседневную жизнь человека, его борьбу за жизнь и существование в неблагоприятной социальной реальности, анализируют мотивацию поступков человека и „диагностируют” человеческое поведение, эмоции, реакции на обстоятельства и т. п. Их целью является понять героя – человека до дна его души; эти, возможно, на первый взгляд, нерадостные диагнозы раскрывают самое человеческое, то, что есть в человеке, и тем самым, в процессе катарсиса, вызывают в читателе сострадание, понимание, терпимость, доброту к каждому персонажу. Эти ценности вневременны и универсальны.

Тема наркозависимости в литературе не нова – ее изучают такие ученые, как напр. Светлана Сотова (Sotova 136–152) и Ивонн Порзген (Pörzgen). Немецкий славист Порзген уделяет особое внимание современной „нарколите-ратуре” в культурных и литературных пространствах славянских стран. Сотова утверждает, что тема наркозависимости постоянно актуальна в рамках изображения социально-патологических феноменов в художественной литературе. Уже авторы-классики старались наметить эту тему в своих произведениях и рассматривать проблематику аддикции в литературе. Как отмечает Сотова, литературовед Иосиф Гольдфайн (Gol'dfain, электронный ресурс) говорит о том, что в литературе XIX века эта тема встречается лишь эпизодически, а в XX веке является более комплексной (цит. по: Sotova 137–147).

(Алкогольная) аддикция как психологическая проблема

Зависимость определяется как состояние, которое возникает повторяющимся потреблением конкретного наркотика. Причем выделяется применение периодическое (время от времени) или континуальное (Ondrejovič, Poliaková 8–9). Специалисты Академии медицинских наук в Англии добавляют, что почти все аддиктологические теории акцентируют внимание на способности наркотиков овладеть механизмами мозга, отвечающими за процесс обучения и запоминания, и поэтому очень часто у зависимых встречаются рецидивы (Horn 45).

Чешский психиатр Карел Нешпор определяет понятие аддикции согласно классификации МКБ-10³ как совокупность физиологических, поведенческих и когнитивных явлений. В комплексе всех данных явлений важную роль играет конкретное вещество – зависимый человек всегда прибегает к употреблению психотропных средств. Под влиянием аддикции любая деятельность и развлечения постепенно исчезают из жизни человека. Синдром зависимости всегда касается конкретного вещества, совокупности или категории веществ (Nešpor 9–10).

При описании наркозависимости ученые опираются на Международную классификацию болезней МКБ-10, в которой выделяют несколько основных симптомов наркозависимости:

- 1) непреодолимое желание употреблять определенное вещество – „craving“;
- 2) возникновение проблем с самообладанием;
- 3) абстинентный синдром⁴;
- 4) повышенная толерантность к определенным веществам;
- 5) пренебрежение своими потребностями и предпочтение применения вещества;
- 6) продолжение применения вещества, несмотря на то, что человек знает о негативном воздействии веществ, вызывающих привыкание (Nešpor 10)⁵.

³ Международная классификация болезней в 10 ревизии (МКБ-10) (Classification of Diseases in the tenth revision (ICD-10)) является стандартной диагностической методикой эпидемиологии, организации здравоохранения и диагностики заболеваний (ВОЗ).

⁴ Абстинентный синдром – состояние, проявляющееся из-за прекращения применения наркотиков. К симптомам относятся, напр.: бессонница, галлюцинации, неврологические расстройства и т.д. Синдром возможно рассматривать как совокупность соматовегетативных, неврологических и психических расстройств, развивающихся из-за прекращения действия этанола по причине вынужденной или добровольной отмены приёма алкоголя.

⁵ Перевод П.Л.

***Неточка Незванова* Достоевского (история зависимого скрипача)**

Первые главы *Неточки Незвановой* были опубликованы в журнале „Отечественные записки” в 1849 г., а вслед за ними – остальные главы произведения. Автор постоянно старался доработать историю главной героини, но в конце концов произведение издали незаконченным в 1860 году (Север 581).

В романе изображена жизнь Неточки Незвановой, причем важной частью произведения является описание детства главной героини. Огромное влияние на нее оказал Ефимов, ее отчим, у которого была алкогольная зависимость, в результате чего он оказался на социальном и моральном дне. На данный факт указывает также Лия Розенблюм (Rozenblûm XII): „Достоевский видел главную причину духовного краха Ефимова в социальных условиях”. Именно отчим Неточки является главным „пациентом” нашего (диагностического) анализа.

Ефимова считали талантливым скрипачом, у которого потеря мотивации и алкоголизм привели к нищете. Несмотря на все неприятности, Неточка его любила даже больше, чем собственную мать⁶. Трансформации в поведении Ефимова сначала сопровождались апатией и депрессией – признаками преобразования психического состояния человека. Это заметно в поведении и социальной среде:

Вскоре Б. заметил, что товарищем его все чаще и чаще начинает овладевать апатия, тоска и скука, что порывы энтузиазма его становятся реже и реже и что за всем этим последовало какое-то мрачное, дикое уныние. Наконец, Ефимов начал оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда к ней по целым неделям. До совершенного падения было недалеко, и вскоре несчастный впал во все пороки. От чего предостерегал его помещик, то и случилось: он предался неумеренному пьянству (Dostoevskij 215).

В данном отрывке выявляется один из основных симптомов зависимости – предпочтение отдается алкоголю, а не хобби или деятельности, которая являлась неотъемлемой составляющей ежедневной жизни. Постоянно нарастает апатия и отвращение к скрипке. Также наблюдаются случаи потери самообладания и пробуждение агрессии:

Мало-помалу Ефимов дошел до самого крайнего цинизма: он нисколько не совестился жить на счет Б. и даже поступал так, как будто имел на то полное право. Между тем средства к жизни истощались [...] Ефимов как будто не хотел и заметить нужды своего товарища: он обращался с ним сурово и по целым неделям не удостоивал его ни одним словом. Однажды Б. заметил ему самым кротким образом, что не худо бы ему было не слишком пренебрегать своей скрипкой, чтоб не отучить от себя совсем инструмента; тогда Ефимов

⁶ С этим связаны симптомы созависимости, которые будут показаны в рамках анализа.

совсем рассердился и объявил, что он нарочно не дотронется никогда до своей скрипки [...] Другой раз Б. понадобился товарищ, чтоб играть на одной вечеринке, и он пригласил Ефимова. Это приглашение привело Ефимова в ярость. Он с запальчивостью объявил, что он не уличный скрипач и не будет так подл, как Б., чтоб унижать благородное искусство [...] (Dostoevskij 215–216).

Ефимов в полной мере осознает вредность алкоголизма и свое духовное падение, но вопреки всему, он не прекращает употребление алкоголя: „Тогда Ефимов, сквозь слезы и рыдания, проговорил, что он погибший, несчастнейший человек, что он давно это знал, но что теперь только усмотрел ясно свою гибель” (Dostoevskij 217). У Ефимова также начинают проявляться проблемы с обществом, связанные с употреблением алкоголя (в финансах и семейных отношениях), которое приводит к т.н. крейвингу⁷. Беспрестанно он одалживал деньги, которые сразу тратил на алкоголь: „Ефимов тотчас же прожил данные ему деньги и пришел за ними в другой раз, потом в третий, потом в четвертый, потом в десятый, наконец Б. потерял терпение и не сказывался дома [...] Деньги прожиты, пропиты, братец” (Dostoevskij 219–220). Многолетняя зависимость отразилась тоже на внешности Ефимова:

[...] наткнулся в одном переулке, у входа в грязный трактир, на человека дурно одетого, хмельного, который назвал его по имени. Это был Ефимов. Он очень изменился, пожелтел, отек в лице; видно было, что беспутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимым образом (Dostoevskij 219).

Впоследствии алкогольная зависимость отчима Неточки лишь усугубляется: алкоголь выводится из организма быстрее и повышается частота принятия новой порции. В психике Ефимова начинают происходить отклонения, проявляющиеся в его поведении. Зависимость выявляется уже и на уровне физиологии (в виде покраснения кожи или тремора⁸):

Ефимов сконфузился, даже сробел сначала, отвечал бессвязно и отрывисто, так что Б. подумал, что он видит пред собою помешанного. Наконец Ефимов признался, что не может ничего говорить, если не дадут выпить водки, и что в трактире ему уже давно не верят. Говоря это, он краснел, хотя и постарался ободрить себя каким-то бойким жестом; но вышло что-то нахальное, выделанное, назойливое, так что все было очень жалко (Dostoevskij 219).

⁷ Крейвинг (от англ. *craving*) – особо сильное, страстное, неодолимое стремление, направленное на поиск и употребление психоактивного вещества.

⁸ Гиперкинез, или тремор (от лат. *tremor* – „дрожание”) проявляется дрожанием рук, подбородка, или ритмичном подергивании головы. Чаще всего тремор возникает из-за злоупотребления наркотическими веществами, алкогольными напитками или токсического отравления.

У Ефимова заметна одна из самых типичных причин зависимости – уход от проблем реальной жизни: „В часы сомнения он предавался пьянству, которое своим безобразным чадом прогоняло тоску его” (Dostoevskij 221). Достоевский все чаще описывает повторяющиеся эпизоды злоупотребления алкоголем: „по минутно ссорилась с мужем, который находил какое-то наслаждение мучить ее, и беспрестанно гнала его за работу. Но ослепление, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сделали его почти бесчеловечным и бесчувственным” (Dostoevskij 222). Увеличивается степень агрессии к его первичной социальной среде, причем Ефимова интересует только собственная польза. Из-за того, что Ефимов начинает воровать у жены деньги на алкоголь, можно утверждать, что он постепенно опускается (все глубже и глубже) на моральное дно: „муж таскал у нее потихоньку все деньги, и она принуждена была часто отсылать вместо обеда пустую посуду тем, для которых работала” (Dostoevskij 222).

В поведении Ефимова очевиден переход от асоциального к антисоциальному поведению. Все, в том числе и близкие друзья, отказались от денежных займов для него: „сказал без околичностей, что денег ему не даст, потому что он их пропьет” (Dostoevskij 222). Ефимов ведет себя эгоистически, потребность в алкоголе приводит его к абсолютному социальному упадку: все – энергию, деньги, время – вкладывает в свою зависимость, и за его проблемы расплачивается его семья. Такие поступки довели Ефимова до нищеты – его уволили с работы: „Отчим не давал матушке ни копейки из жалованья, все проживал сам, пропивал и проедал [...] Его выжили из оркестра после полугодовой беспорядочной службы за нерадивость в исполнении обязанностей и нетрезвое поведение” (Dostoevskij 223). Социальные последствия алкоголизма у Ефимова еще больше усугубляют его зависимость. Ефимов уверен, что алкоголь помогает ему забыть и отвлечься от реальной жизни. К тому добавляются и обостряющиеся физиологические проблемы: „Ефимов стоял хмельной, начал кланяться чрезвычайно низко, чуть не в ноги, что-то шевелил губами и упорно не хотел идти в комнаты” (Dostoevskij 225).

Одним из наиболее явных симптомов зависимости – патологический интерес к алкоголю. Вещество играло важную роль в жизни Ефимова и из-за алкоголя он не был способен делать ничего другого, уделять время другим делам или семье. Водка представляла для него смысл бытия: „Отчим принес скрипку, но сначала попросил водки, сказав, что без этого не может играть. Послали за водкой. Он выпил и расхотелся” (Dostoevskij 222).

В генезисе зависимости у Ефимова наблюдается интересное явление – созависимость. Профессор по социальным наукам Марина Милушина рассматривает созависимость как психологическое состояние, для которого

характерны сильное волнение и экстремальная эмоциональная, социальная и иногда даже физическая зависимость от человека или предмета. Вследствие того такое явление можно считать патологическим, и оно влияет на все отношения созависимого человека (Milushyna 51). Молдавские специалисты-психологи Клаудия Влаику и Фелиция Аурика Хаиду добавляют, что человек, склонный к созависимости, намеренно ищет зависимых людей, а люди с проявляющейся в полной мере созависимостью являются эмоционально недоступными (Vlaicu, Haidu 85). Словацкие ученые Михаэла Шаврнوخова и Маркета Руснакова уточняют, что созависимые люди находятся в близких отношениях с зависимым человеком; кроме того, их психическое состояние – эмоции, мышление, переживание, поведение – находятся под влиянием зависимого (Šavrnochová, Rusnáková 67). Симптомы созависимости детально описал Достоевский:

Послушай, Неточка, – сказал он, – дай мне эти деньги, я тебе их назад принесу. А? ты ведь дашь их папе? ты ведь добренькая, Неточка? Я как будто предчувствовала это. Но в первое мгновение мысль о том, как рассердится матушка, робость и более всего инстинктивный стыд за себя и за отца удерживали меня отдать деньги. Он мигом заметил это и поспешно сказал: – Ну, не нужно, не нужно!.. – Нет, нет, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли соседские дети [...] Ты добрая девочка, ты ангельчик мой! Вот дай тебе я ручку поцелую! (Dostoevskij 241).

Неточка готова ради отчима ввести маму в заблуждение. Ефимов осведомлен об этом, манипулирует Неточкой для получения денег на алкоголь: например, старается смутить Неточку или ввести ее в заблуждение, чтобы у нее появлялось чувство вины и она сразу отдала ему деньги:

[...] вынул из кармана купленный им пряник и начал шепотом наказывать мне, чтоб я более никогда не смела брать денег и таить их от матушки, что это дурно и стыдно и очень нехорошо; теперь это сделалось потому, что деньги очень понадобились папе [...] Неточка! – начал он дрожащим голосом, – голубчик мой! Послушай: дай-ка мне эти деньги, а я завтра же... Папочка! папочка! – закричала я [...] не могу! нельзя! Маме нужно чай кушать [...] – Так ты не хочешь? [...] так ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! теперь я тебя брошу... Слышишь ли ты, злая девчонка? слышишь ли ты?... Папочка! – закричала я в полном ужасе, – возьми деньги, на! (Dostoevskij 242–250).

Ефимов уверен в любви Неточки, граничащей с обожанием, намеренно манипулирует падчерицей, потому что все его мысли – об алкоголе:

На! – закричал он, всовывая мне в руки деньги, – на! возьми их назад! Я тебе теперь не отец, слышишь ли ты? Я не хочу быть теперь твоим папой! Ты любишь маму больше меня! [...] Сказав это, он оттолкнул меня и опять побежал по лестнице. Я, плача, бросилась догонять его. – Папочка! добренький папочка! я буду слушаться! – кричала я, – я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назад, возьми! (Dostoevskij 251).

С определенной долей вероятности мы можем утверждать, что любовь и уважение Неточки к отцу вполне перерастает впоследствии в созависимость.

Проанализировав роман *Неточка Незванова*, в качестве основных симптомов зависимости у скрипача Ефимова мы определили следующее: трансформация в образе жизни и поведении, склонность к агрессивному поведению и насилию, потерю самообладания, которые приводят к изменениям в его социальной среде. В поведении данного персонажа заметны и такие симптомы, как регулярное злоупотребление алкоголем (он выпивал на протяжении нескольких лет), предпочтение алкоголя остальным делам, осведомленность о вреде вещества без прекращения потребления алкоголя. Среди признаков также выделяем т.н. крейвинг, ухудшение в анатомии и физиологии организма, постоянную потребность в алкоголе как решение всех проблем, асоциальное и антисоциальное поведение. На базе всех симптомов заметен абстинентный синдром.

Глюк Петрушевской (кривое зеркало жизни молодежи)

В творчестве Петрушевской присутствуют различные социально-патологические феномены, особенно ярко это прослеживается на примере описания жизни героинь. Герои произведений писательницы – обычные люди (чаще всего женщины) находящиеся „на дне”, в состоянии социальной эксклюзии – как правило, у них наблюдается наркозависимость, отклонения умственного развития или социопатические наклонности (Курко 342–343).

Скоропанова добавляет, что „используя «нейтральное письмо», Петрушевская художественно исследует «прозу» жизни, лишенной духовного начала и радости. Особое внимание уделяет феномену отчуждения, бездушию и жестокости в человеческих взаимоотношениях” (Skoropanova 2007: 134).

В жизни Петрушевской отсутствуют какие-либо обостренные социально-патологические кризисы или явления, связанные с наркозависимостью. Но, как утверждает Валерий Курко, на формирование личности писательницы негативное влияние оказали два факта: ее родители подверглись репрессиям и она воспитывалась в детском доме (Курко 342). Несмотря на то, что нет свидетельств об употреблении Петрушевской наркотиков, она в подробностях описывает зависимость человека от психотропных веществ.

История Тани, главной героини произведения *Глюк*, начинается с того, что она просыпается в своей комнате и видит т.н. Глюка⁹, который пришел испол-

⁹ Глюк (от нем. *glück* – „счастье”) – в произведении речь идет о сленговом выражении, обозначающем галлюцинации, вызванные наркотиками.

нить три желания Тани (получать более высокие оценки в школе, стать красивой и завоевать сердце Сергея). Услышав эти желания, Глюк говорит, что она умная и красивая, а также отмечает, что Сергей – алкоголик и ей такой парень не нужен. Тогда Таня озвучивает новые желания – дом на пляже, в котором будут жить ее одноклассники и там будет присутствовать достаточно еды и алкоголя, особенно пива. Глюк исполняет все желания с одним условием: Таня не сможет ни в коем случае спасти своих друзей. Если Таня не выполнит условие, то сразу потеряет право на желание и может оказаться в беде.

Дальше действие разворачивается в доме, в котором одноклассники Тани находят не только алкоголь, но и наркотики. Таня как „героиня” также находится под влиянием наркотиков. Постепенно следует несколько несчастных случаев: ссоры и невменяемое поведение гостей, в результате чего ночью дом сгорает. Когда Таня приходит в себя, она понимает, что находится в больнице. Она слышит, что в доме нашли обгорелые трупы и в живых осталась только она одна. Впоследствии у Тани появляется новое желание – сделать так, чтобы все опять ожили. В надежде осуществления задуманного, она нарушает условия договора с Глюком. В итоге, когда Таня действительно просыпается, она узнает, что вся история с Глюком оказывается только сном. Папа говорит ей, что грипп мог спровоцировать такой кошмар. Однако, к таким последствиям могла привести таблетка на дискотеке, которая описана в начале истории.

Этиология появления признаков интоксикации наркотиками заключается в желании экспериментировать. Поскольку в произведении описан только один случай употребления наркотиков, мы можем говорить не о наркозависимости как таковой, а лишь о признаках, возникших в результате применения конкретного вещества: „Вчера они с Анькой и Ольгой на дискотеке попробовали таблетки, которые принес Никола от своего знакомого” (Petruševskaâ, электронный ресурс). Таким образом происходит распространение наркотиков среди подростков. Несмотря на то, что нельзя точно определить наркозависимость у Тани, обращает на себя внимание тот факт, что она повторно воровала для того, чтобы у нее были деньги на пиво: „Таня любила пиво, они с ребятами постоянно покупали баночки. Денег только не было, но Таня их брала иногда у папы из кармана. Мамина записка тоже была хорошо известна” (Petruševskaâ, электронный ресурс). Видимое анти-социальное поведение, вызванное употреблением определенного вещества, можно отнести к симптомам начинающейся зависимости. В тексте произведения находят свое отражение желание и стремление к употреблению наркотических веществ и антисоциальное поведение (как нарушение моральных и правовых норм в обществе), что с точки зрения психиатрии также является следствием наркомании.

Во время тусовки в пляжном доме заметны признаки злоупотребления наркотиков у нескольких подростков. Например, импульсом для выпивки у Сережи является ссора с Катей: „Катя тихо ругалась с ним, когда он открыл бутылку и стал отпивать из горлышка” (Petruševskaâ, электронный ресурс). Антон, тоже член компании, хотел попробовать марихуану:

Антон спросил на ухо, нет ли травки покурить, Таня принесла папироски с травой, потом Сережка заплетающимся языком сказал, что есть такая страна, где свободно можно купить любой наркотик, и Таня ответила, что именно здесь такая страна, и принесла полно шприцов (Petruševskaâ, электронный ресурс).

Побуждение и сильное желание экспериментировать с наркотиками перерастает в одержимость. Такой вывод можно сделать на основе множества шприцов, которые находились в пляжном доме. Таня, очевидно, принесла не только марихуану, но и другие вещества, вызывающие зависимость. Таня не умела вводить наркотики внутривенно: „Она не умела колоться, ей помогли Антон и Никола. Было очень больно, но Таня только смеялась” (Petruševskaâ, электронный ресурс).

У Сережи начинают проявляться физиологические дефициты в организме и преобразования в восприятии окружающей среды:

Закружилась голова. Сережка странно водил глазами по потолку, а неподвижная Катя злым взглядом смотрела на Таню и вдруг сказала: – Я хочу домой. Мы с Сережей должны идти... Таня проговорила: – Тут я распоряжаюсь. Поняла, гнида? Иди отсюда! [...] У Сережки закатились глаза, были видны белки (Petruševskaâ, электронный ресурс).

Сережа падает в обморок, что провоцирует конфликт между Катей и Таней, который под влиянием наркотиков перерастает в ссору и впоследствии в драку. Одновременно усиливаются и физиологические признаки (неясная речь, неспособность дышать и др.) в организмах упомянутых персонажей:

Антон стал говорить что-то, лепетать типа „не бойсь, не бойсь”, зачем-то непослушной рукой заткнул Тане рот, позвал Николу помочь. Подполз и навалился пьяный Никола. Стало нечем дышать, Таня начала рваться, но тяжелая рука расплющила ее лицо, пальцы стали давить на глаза... Таня извивалась, как могла, и Никола прыгнул на нее коленями, повторяя, что сейчас возьмет бритву... Это было как страшный сон. Таня хотела попросить свободы, но не могла составить слова, они ускользали. Совсем не было воздуха и трещали ребра (Petruševskaâ, электронный ресурс).

У девушек проявляется склонность к агрессии. Очевидно, что наркотики усиливают неприятные чувства. Вещества, которые невозможно конкретизировать, т.к. не упомянуты их однозначные названия (кроме марихуаны),

искажают восприятие реальности у персонажей и вызывают галлюцинации. Все начинают вести себя асоциально:

И тут все вскочили с мест и обступили Таню, кривляясь и хохоча. Все открыто радовались, разевали рты. Вдруг у Аньки позеленела кожа, выкатились и побелели глаза. Распадающиеся зеленые трупы окружили кровать, у Николы из открытого рта выпал язык прямо на Танино лицо. Сережа лежал в гробу и давился змеей, которая ползла из его же груди. И со всем этим ничего нельзя было поделать... (Petruševskaâ, электронный ресурс).

Кроме агрессивного поведения увеличивалось тоже количество анатомических деформаций (цвет кожи и глаз). Змею на груди Сережи можно рассматривать как галлюцинации.

Симптомы, описанные в тексте, являются яркими признаками, проявившимися непосредственно после (иногда, как в случае Тани, однократного) употребления наркотиков, а не комплексными симптомами зависимости, на основе которых можно определить диагноз. Стоит заметить, что последствия злоупотребления наркотиков и признаки зависимости переплетаются. В основе симптоматики лежит сильное желание экспериментировать, в результате проявляются и другие разнообразные симптомы – асоциальное и антисоциальное (агрессивное) поведение, физиологические и анатомические симптомы, нарушение перцепции и поведения, галлюцинации и т. п.

Заключение

Материалом исследования послужили произведения Достоевского (*Неточка Незванова*) и Петрушевой (*Глюк*). Среди использованных научных исследований выделены как литературоведческие работы (Davletšina; Červeňák; Pospíšil и др.), так и психологические научные источники (Nešpor; Horn и др.).

Сопоставив симптоматику, описанную в художественной литературе, со сведениями, которыми располагает современная аддиктология, мы можем отметить сходства между проявлениями наркомании с точки зрения современной психологии и психиатрии и художественным изображением зависимости. Методом идентификации и сравнения художественного текста с психологическими научными трудами можно выделить большое количество симптомов зависимости или интоксикации наркотиками конкретных героев: для Ефимова из романа *Неточка Незванова* характерны изменения в образе жизни и поведении, склонность к агрессии и насилию, потеря самообладания, регулярность употребления алкоголя, крейвинг, асоциальное и антисоциальное поведение, созависимость (Неточка), продолжение злоу-

потребления алкоголем вопреки знаниям о его вреде, анатомические и физиологические признаки. В рассказе *Глюк* у Тани наблюдаются асоциальное и антисоциальное поведение, крейвинг, физиологические проблемы, галлюцинации; у Сережи – крейвинг, физиологические изменения, искаженное восприятие реальности, асоциальное поведение, галлюцинации, обморок; у Антона – искаженное восприятие окружающей среды, крейвинг, асоциальное поведение; у Кати – агрессивное и асоциальное поведение. Проведенный анализ показывает, что изображение наркозависимости в рассматриваемых произведениях является сходным с описанием тех же самых симптомов, сформулированных современной психологией и психиатрией.

Сравнение данных произведений позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Достоевский уже в XIX в. мастерски описал процесс развития зависимости и ее симптомы, определенные современной наукой лишь на стыке XX–XXI вв.; Петрушевская как современный автор¹⁰ дала точную характеристику интоксикации наркотиками, которая может вести к зависимости. В настоящее время уже доступно огромное количество материалов, но психиатрические руководства с точным определением и деталями доступны только профессионалам.
- 2) Достоевский описывает только алкогольную зависимость, в то время как Петрушевская пишет о нескольких видах наркотиков, что связано с историческим контекстом, так как в XIX в. таких наркотиков не было¹¹.
- 3) Изображенная Достоевским зависимость является более комплексной, со всеми симптомами, мотивацией и процессом развития наркозависимости. Петрушевская гиперболизированно описывает острую интоксикацию, причем теряется реалистический образ зависимости. С одной стороны, анализ касается художественного текста, кажется, нереалистический образ зависимости является предсказуемым, но с точки зрения психологии и психиатрии описание Достоевского является более убедительным и реалистическим. Данный факт можно воспринимать как парадокс, так как в XIX в. (в эпоху, когда произведение было написано) научного определения наркозависимости еще не существовало.

¹⁰ Между изданием анализируемых произведений разница 150 лет.

¹¹ Исторический контекст дистрибуции и злоупотребления наркотиков является сложной и рассматриваемой темой. Об истории наркотиков как на территории современной России, так и во всем мире см. в работах Натальи Милешиной, Людмилы Потаповой и Татьяны Кильмашкиной (Milešina, Potapova, Kil'maškina 44–47), Ингрид Гупковой и Кристины Либерчановой (Hupková, Liberčanová), Яна Летавы (Lietava), Национальной медицинской академии США (National Academy of Sciences) и др.

- 4) Произведения Достоевского и Петрушевской в данном диалоге объединяет тема зависимости, с которой связаны социально-психологические проблемы молодежи. В восприятии Достоевского зависимость является собой комплексную и очень важную проблему. Петрушевская описывает потребность в употреблении наркотиков как естественную часть жизни современной молодёжи. Причиной таких проблем можно считать эмоциональную нестабильность, уединенность или недостаток любви. С определенной долей вероятности можем утверждать, что эту проблематику следует считать универсальной.

Библиография

- Breger, Louis. *Dostoevsky: The author as psychoanalyst*. New York, New York University Press, 1989.
- Ceher, Evsej. „Primečaniâ: Netočka Nezvanova”. Fëdor Dostoevskij. *Povesti i rasskazy*. Red. Elena Žezlova. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1956, s. 575–583.
- Červenák, Andrej. *Človek v literatúre (Dostojevskij a súčasná literárna veda)*. Bratislava, Slovenský spisovateľ, 1986.
- Červenák, Andrej. *Človek v texte: Dostojevskij a esteticko-antropologická koncepcia literatúry*. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa; Spolok slovenských spisovateľov, 2002.
- Červenák, Andrej. *Dostojevského sny (eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom)*. Pezinok, Formát, 1999.
- Cholakova, Zhorzheta. „Diachronic asymmetry as a comparativist problem”. *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, 1, 2023, s. 29–36.
- Čiž, Vladimir. *Dostoevskij kak psihopatolog*. Moskva, Universitetskâ tipografiâ, 1885.
- Davletšina, Saniâ. „Masterstvo L.S. Petruševskoj v sozdanii hudožestvennogo psihologizma v rasskaze *Dom s fontanom*”. *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i žurnalistiki*, 4, 2016, s. 51–54.
- Dohnal, Josef. „The topic of suicide seen by Dostoevsky and Andreev as an axiological question”. *Revitalizace hodnot: umění a literatura V*. Red. Josef Dohnal. Brno, Masarykova univerzita, 2021, s. 215–225.
- Dostoevskij, Fëdor. „Netočka Nezvanova”. Fëdor Dostoevskij. *Povesti i rasskazy*. Red. Elena Žezlova. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudožestvennoj literatury, 1956, s. 205–365.
- Gol'dfain, Iosif. „Ispytaem silu hudožestvennoj literatury”. *Literatura*, 6, 2001. Web. 26.07.2023. <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200100603>.
- Griboedova, Anna. „Čitaâ Dostoevskogo, mir stanovitsâ lučše”. *Gor'kij*, 2021. Web. 11.01.2024. <https://gorky.media/context/chitaya-dostoevskogo-mir-stanovitsyaluchshe/>.
- Horn, Gabriel, red. *Brain science, addiction and drugs*. London, Academy of Medical Sciences, 2008.
- Hupková, Ingrid, Kristína Liberčanová. *Drogové závislosti a ich prevencia*. Trnava, Trnavská univerzita v Trnave, 2012.
- Institute of Medicine of the National Academies. *Pathways of addiction: Opportunities in drug abuse research*. Washington, National Academies Press, 1996.
- Kopaničák, Ján. *Dostojevskij a dnešok*. Bratislava, Stimul, 1994.

- Krincyn, Aleksandr. *Sûžetologiã romanov F.M. Dostoevskogo*. Moskva, Maks Press, 2017.
- Kupko, Valerij. „Petruševská Ludmila”. *Slovník ruskej literatúry 11.–20. storočia*. Red. Oľga Kovačičová. Bratislava, VEDA, 2007, s. 342–343.
- Kusá, Mária. „Ruská literatúra sovietskej epochy (1925–1985)”. *Ruská literatúra 18.–21. storočia*. Red. Anton Eliáš. Bratislava, VEDA, 2013, s. 143–168.
- Lietava, Ján. *Drogy v dejinách ľudstva*. Bratislava, Uniapress International, 1997.
- Lorková-Močková, Zuzana, Ivan Posokhin. „Súčasná ruská próza”. *Ruská literatúra 18.–21. storočia*. Red. Anton Eliáš. Bratislava, VEDA, 2013, s. 205–207.
- Milešina, Natal’â, Lûdmila Potapova, Tat’âna Kil’mâškina. „Otečestvennyj opyt bor’by s narkoprestupnosťú: ot Drevnej Rusi do imperskoj Rossii”. *Manuskript*, 1, 2019, s. 44–47.
- Milushyna, Marina. „Foreign studies of the codependency phenomenon”. *Humanities and Social Sciences*, 2, 2015, s. 51–61.
- Muránska, Natália. „Hudožestvennyj antropocentrizm F.M. Dostoevskogo i antropologičeskãâ èstetika”. *F.M. Dostoevskij: sostoãnie issledovanij i sovremennoe značenie*. Red. Lenka Paučová, Ivo Pospíšil. Brno, Masarykova univerzita, 2019, s. 79–96.
- Murtazaeva, Feruza. „Psihologizm kak stilevoe edinstvo v ženskoj proze russkikh i uzbekskikh pisatel’nic”. *InterScience*, 1, 2022, s. 89–99.
- Nešpor, Karel. *Návykové chování a závislost*. Praha, Portál, 2011.
- Ondrejkovič, Peter, Eva Poliaková. *Protidrogová výchova*. Bratislava, VEDA, 1999.
- Petruševská, Lûdmila. *Glúk*. Web. 25.06.2023. <https://petrushevskaya.livejournal.com/245077.html>.
- Pörzgen, Yvonne. *Berauschte Zeit: Drogen in der russischen und polnischen Gegenwartsliteratur*. Köln, Böhlau, 2008.
- Pospíšil, Ivo. *Fenomén sílenství v ruské literatuře 19. a 20. století*. Brno, Masarykova univerzita, 1995.
- Romanova, Evgeniâ. „Psihografičeskij aspekt tvorčestva F.M. Dostoevskogo”. *Sistemnáã psihologiã i sociologiã*, 1, 2019, s. 31–46.
- Rozenblûm, Liã. „Povesti i rasskazy F.M. Dostoevskogo. Vstupitel’naã stat’ã”. Fëdor Dostoevskij. *Povesti i rasskazy*. Red. Elena Žezlova. Moskva, Gosudarstvennoe izdatel’stvo hudožestvennoj literatury, 1956, s. III–XXXII.
- Šavrnochová, Michaela, Markéta Rusnáková. „Spoluzávislost’ v rodine s členom závislým od alkoholu”. *Sociálna patológia a intervencia sociálnej práce*. Red. Andrej Mátel, Lucia Janechová, Ladislav Roman. Bratislava, Vysoká škola zdravotníctva a sociálnej práce sv. Alžbety, 2011, s. 66–77.
- Skoropanová, Irina. „Problema zla v romane L. Petruševskoj *Nomer Odin, ili v sadah drugih vozmožnostej*”. *Filologičeskij klass*, 1, 2013, s. 24–32.
- Skoropanová, Irina. *Russkáã postmodernistskáã literatura*. Moskva, Flinta: Nauka, 2007.
- Sotova, Svitlana. „Narkozavisimost’ kak ob’ekt hudožestvennoobraznogo osmysleniã v ruskoj proze”. *Naukovî zapiski HNPV im. G.S. Skovorodi. Literaturoznavstvo*, 2, 2016, s. 136–152.
- Vlaicu, Claudia, Felicia Aurica Haidu. „Co-dependency in intimate relationship – a learned behaviour”. *International Journal of Theology, Philosophy and Science*, 6, 2020, s. 82–89.
- Zagidullina, Marina. „Petruševskáã i Dostoevskij”. *Čelãbinskij gumanitarij*, 2, 2010, s. 24–28.

